

П Р А В О

УДК 34

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

© 2020 г.

А.В. Агутин, Л.П. Ижнина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

agunin.av@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.10.2020

Статья посвящена осмыслению фундаментальных основ разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве с учетом ментальных и мировоззренческих особенностей российского народа. Опорой для разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве стали наиболее существенные мысли (мысли-смыслы) как проявления духовных столпов традиционных религий, культурно-исторического наследия и системы традиционных ценностей российского народа. Обращено внимание на то, что любые попытки разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве вне смысловой основы мышления российского народа сродни имитации научной деятельности, манипулированию общественным и индивидуальным сознанием научной общественности и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. В работе установлено, что при опоре нашего мышления на духовные столпы традиционных религий, культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей потенциалом интуиции (правовой интуиции) происходит сверхвременное разрешение проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве.

Ключевые слова: менталитет, мировоззрение, проблема, пробелы, право, уголовно-процессуальное право, смысл, духовные столпы традиционных религий, культурно-историческое наследие, система, традиция, ценности, знания, жизнь, российский народ, уголовно-процессуальная деятельность.

Невозможно действенно разрешить проблему пробелов в уголовно-процессуальном праве не опираясь на особенности менталитета (мировосприятия, миропонимания и миропредставления) и мировоззрения российского народа. Особенности менталитета и мировоззрения нашего народа складывались не одно тысячелетие. В своей совокупности они выступают в качестве фундаментальной основы жизни российской общности. Фундаментальные основы жизни российского народа являют собой смысловую основу его бытия, проявляемую в духовных столпах традиционных религий, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей.

Опора наших размышлений на духовные столпы традиционных религий, культурно-историческое наследие и систему традиционных ценностей российского народа в качестве наиболее существенной мысли позволяет нам предположить – проблема пробелов в уголовно-процессуальном праве будет разрешена должным и надлежащим образом. Оптимизм ответственности нашего прогноза в разрешении проблемы пробелов в уголовно-процессуальном

праве основывается на нижеследующем. Действенность разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве видим в жизненности идей (знаний), используемых нами.

В процессе разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве знания о жизни исходят из жизни, применяются для жизни и ради жизни. В своей совокупности это позволит нам разрешить проблему пробелов в уголовно-процессуальном праве по существу (иначе – фундаментально). По этой причине нам чуждо использование для разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве абстрактных (умозрительных) знаний, которые годны только для моделирования виртуального глобального мира, со свойственной ему нищетой духа и нравственности.

Русский (российский) народ имеет собственную цивилизацию [1]. Она порождает возникновение особенностей менталитета и мировоззрения, обеспечивающих жизненный смысл нашему народу. Особенности менталитета и мировоззрения являются следствием самосознания российского народа на основе духовных столпов традиционных религий, культурно-

исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей. Вне перечисленных форм самосознания нет российского народа, как нет и права. Отсюда следует – нет оснований говорить о возможности разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве вне смысловой основы его мышления.

Любые попытки разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве вне смысловой основы мышления российского народа сродни имитации научной деятельности, манипулированию общественным и индивидуальным сознанием научной общественности и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Отсюда очевидно: опора наших размышлений на духовные столпы традиционных религий, культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа позволяет нам разрешать проблему пробелов в уголовно-процессуальном праве на смысловом уровне, а следовательно, на надлогическом (рациональном) и на надпсихологическом уровнях.

Использование смыслового уровня знания в разрешении проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве предусматривает возможность одновременно иметь дело со знаниями о жизни как уголовно-процессуального права, так и уголовно-процессуальной деятельности. Знания о жизни уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальной деятельности используются нами не для построения абстрактных и умозрительных положений, а применительно к тому, что именуется «русской (российской) землей» и «русским (российским) духом» [2]. В обозначенных параметрах проблема пробелов в уголовно-процессуальном праве не просто разрешается, а дополнительно и попутно устраняются сами основания для её возникновения, поскольку исчезают истоки его ошибок и противоречий.

Противоречия являются атрибутами человеческого мышления, а не жизни. В жизни нет противоречий, включая и ту её часть, которая имеет непосредственное отношение к проблеме пробелов в уголовно-процессуальном праве. В отличие от предложенного нами алгоритма разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве процессуалисты эту проблему стараются разрешать опираясь исключительно на рационалистическое (логическое) мышление. Такое рационалистическое (логическое) видение разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве со стороны исследователей мы объясняем тем, что сама рассматриваемая проблема ими исследовалась

исключительно в плоскости рационального (логического) мышления.

Хотя, на первый взгляд, может показаться – наше утверждение о логической (рациональной) основе разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве не совсем соответствует реалиям российской юридической науки. Так, М.А. Костенко полагает, что проблема пробелов в законодательстве является результатом правотворческой ошибки и лежит в области правотворческой деятельности. Согласно мысли М.А. Костенко, они постоянно сопровождают правотворческую деятельность, а их истоками является целый ряд причин как объективного, так субъективного характера. Следуя доводам М.А. Костенко, ведущей же причиной из них является причина субъективного характера, лежащая в области восприятия, представления и понимания. По нашему мнению, именно в таком контексте объясняет М.А. Костенко причины правотворческих ошибок, когда пишет: «Пробелы в законодательстве являются постоянными спутниками правотворчества, так как порождаются целым рядом причин как объективного, так и субъективного характера. Причины их появления лежат в области правотворческой деятельности и возникают как на стадии проектирования норм права, так и в процессе перевода субъективных представлений о характере и целях регулирования в юридические предписания с учетом юридических закономерностей и сложившихся нормативно-правовых установлений. Поэтому пробел в законодательстве следует относить к правотворческим ошибкам, возникающим в силу каких-либо отступлений от правил законодательной техники и технологии» [3].

Действительно, если правотворческую деятельность рассматривать исключительно с позиции рационального (логического) мышления, то как в целом пробелы в праве (законодательстве), так и пробелы в уголовно-процессуальном праве (законодательстве) являются результатами правотворческих ошибок, возникших вследствие отступления от правил законодательной техники и технологии. При таком подходе к пониманию пробелов в праве нетрудно предположить – исследуемая проблема является результатом ошибочной правотворческой деятельности. Отсюда уместна мысль: проблема пробелов в праве может быть разрешена при недопущении ошибок (отступлений от правил законодательной техники и технологии) в процессе осуществления правотворческой деятельности. Нет ошибок в правотворческой деятельности – нет и пробелов как в целом в праве, так и в уголовно-процессуальном праве.

Разрешение проблемы пробелов в праве потенциалом правотворческой деятельности вносит свою толику в понимание проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве. Однако уровень её разрешения оставляет желать лучшего. Так, на сегодняшний день потенциалом совершенствования правотворческой деятельности невозможно не только устранить пробелы в уголовно-процессуальном праве, но и подвергнуть правовому обрамлению те положения уголовно-процессуального права, которые своим потенциалом выходят за пределы правового регулирования. К таковым мы, прежде всего, относим сердечно-оценочную деятельность, например, субъектов доказывания, их совесть, справедливость (несправедливость) приговора, а также ряд других положений, которые линейно и нелинейно выпадают из уголовно-процессуального регулирования. К последним вполне можно отнести смысл уголовно-процессуального действия или соответствующего процессуального решения, индивидуальный и коллективный опыт должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Свою лепту в понимание пробелов уголовно-процессуального права вносят индивидуальная и надындивидуальная мотивация, а также особенности мировосприятия, миропонимания и миропредставления участников уголовного процесса. Смеем заявить, что, хотя классические (рационалистические) теории уголовного процесса и уголовного права делают многочисленные поклоны в сторону установления вины лица, совершившего преступление, фактически в уголовно-процессуальном праве отсутствуют правовые механизмы её установления. Возникает вопрос: является ли это проблемой пробелов уголовно-процессуального права? Или мы имеем дело с более глубинными процессами в уголовно-процессуальной сфере?

Скорее всего, проблема пробелов уголовно-процессуального права является проблемой сугубо рационалистического (гносеологического (логического)) мышления. Особенно это явствует при осмыслении творческого наследия тех процессуалистов, кто ранее увлекался и ныне увлекается логической формой. Одним из тех, кто вольно или невольно отстаивал примат логической формы над содержанием уголовно-процессуального права, был академик М.С. Строгович. В свое время он писал: «Вообще применение закона по аналогии в случаях пробела в действующем законодательстве – прием вполне правомерный. ...Если какой-либо возникший в следственной и судебной деятельности вопрос не получает прямого разрешения в действующем уголовно-процессуальном зако-

нодательстве, а разрешение его необходимо, то вполне возможно применить тот процессуальный закон, который предусматривает сходный случай» [4].

Среди современных процессуалистов примат логической формы в разрешении проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве отстаивают Е.С. Зайцева и П.В. Козловский. В своей статье «Аналогия права как способ преодоления пробелов в уголовном процессе» они видят в аналогии разновидность определенной логической операции и основной способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве. В частности, они пишут: «...аналогия как определенная логическая операция наиболее точно может быть охарактеризована в качестве способа преодоления пробелов, предполагающего определенный путь решения возникающих проблем правоприменителем в случае столкновения с пробелом» [5].

В приведенном суждении Е.С. Зайцевой и П.В. Козловского системообразующим знанием, позволяющим разрешить проблему пробелов в уголовно-процессуальном праве, является логическое знание об аналогии. Логический статус знания об аналогии предполагает его формальность. Со своей же стороны, формальность знания об аналогии с неизбежностью влечет за собой лишь видимость в разрешении проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве. По существу же проблема пробелов в уголовно-процессуальном праве оказывается неразрешенной.

Справедливости ради следует сказать: попытку сущностного (содержательного) разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве анализируемые авторы делают. В частности, они это делают тогда, когда предлагают механизм (этапы) использования аналогии в разрешении проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве. Не будем многословны, а приведем дословно авторский механизм использования аналогии в качестве основного способа разрешения проблемы пробелов уголовно-процессуального права. По этому поводу Е.С. Зайцева и П.В. Козловский отмечают: «Использование аналогии осуществляется в несколько этапов и предполагает: установление объективной потребности ее использования; выбор необходимых правовых средств (при наличии сходной нормы – использование аналогии закона, при отсутствии – выбор соответствующих правовых принципов, которые будут положены в основу решения) и непосредственно принятие решения и его обоснование» [5].

Не вдаваясь в содержательную оценку компонентов представленного механизма реализации аналогии в качестве основного способа раз-

решения пробелов в уголовно-процессуальном праве, хотели бы отметить – ему явно не хватает самой «малости», а именно жизненного смысла. Ведь возникает минимум ряд нижеследующих вопросов. Кто должен реализовать этот самый механизм? И каким образом сделать так, чтобы он одновременно выступал и в качестве должного мотива, и надлежащей цели должностных лиц – участников уголовного процесса? Каковы ресурсы отечественного уголовного судопроизводства, способные своим потенциалом обеспечить жизненность (действенность) механизма аналогии в качестве основного способа разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве?

Вразумительных ответов на поставленные вопросы мы не находим ни в статье Е.С. Зайцевой и П.В. Козловского, ни в целом в уголовно-процессуальной науке. В философии права выход из логического тупика юридической науки и порождаемого им аморфного правосознания видят в умении профессионалов выражать дух закона, заложенного в его букве (слове), потенциалом интуитивно-правового чувства. Например, В.П. Плавич пишет: «Интуитивное правовое чувство являет собой смысловую предназначенность акта представления юридического смысла той или иной ситуации, ему принадлежит роль «пробуждения» правового мышления. ... понимание предполагает предпонимание» [6].

Со своей стороны, хотели бы высказать мысль нижеследующего содержания: слово является результатом самосознания живого знания. В этом смысле оно не нуждается в каком-либо дополнительном предпонимании. Если слово, тем более русское слово, не понимается, оно является бессмысленным и бессодержательным. Основой интуитивного правового чувства является правовая опыт (опыт). Опыт – это осознанное русским народом знание, и не только осознанное, но и знание, ограниченное духом вечности. С позиции духа вечности понимание смысла русского слова не предусматривает его предпонимание, поскольку оно само по себе является мыслью.

Каждое русское слово имеет собственную общезначимую мысль-смысл. Под смыслом «всегда подразумевается общезначимая мысль о чем-либо, и в этом значении смыслом обладает решительно все, что может быть выражено в мысли» [7, с. 11]. Наша способность подняться над временем и мыслить с позиции духа вечности заложена в слове. Оно неотделимо от нашего сознания. Сознать – значит найти общезначимую мысль (мысленное (-ую) содержание (сущность) слова). Осознание мысленного содержания (сущности) слова осуществляется

исторически российским народом на основе духовных столпов традиционных религий, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей. Поэтому, когда мы имеем дело с русским словом в ходе осознания духа права в том или ином слове, должны уже обладать его смыслом и общезначимой мыслью, которая заложена в нем. Е.Н. Трубецкой по этому поводу отмечает: «Сознать в собственном смысле – значит не гадать об истине или смысле воспринимаемого, а *обладать им*. Сознает свое переживание не тот, кто думает – «может быть, это гром гремит, а может быть, телега едет по мосту». Сознующий в собственном смысле слова есть знающий. Смысл или истина есть именно то, что возводит мысль на степень сознания» [7, с. 17].

При опоре нашего мышления на духовные столпы традиционных религий, культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей потенциалом интуиции (правовой интуиции) происходит сверхвременное разрешение проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве. Здесь как бы сверхвременное разрешение проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве осуществляется за счет сверхвременного мышления (духа вечности). С позиции духа вечности проблема пробелов в уголовно-процессуальном праве не может быть разрешена по сущности, если сущностные основы её разрешения искать в инструментарии логического (рационального) мышления. Да и в целом логическое мышление в решении научных проблем в отечественном науковедении традиционно рассматривалось, а зачастую и ныне рассматривается в качестве одного из компонентов научной методологии исследования.

История же отечественного науковедения показывает, что инструментарий логического мышления никаким преимуществом не пользовался по отношению к другим компонентам научной методологии. В отечественном науковедении научный инструментарий как гносеологии в целом, так и логики в частности был иерархически взаимосвязан и взаимообусловлен с диалектико-мировоззренческим уровнем методологии, как наивысшим её уровнем. На это обстоятельство косвенно указывает известный в научной среде методолог Д.А. Керимов, когда пишет: «...структурно методология имеет несколько уровней, основными из которых являются: диалектико-мировоззренческий уровень, определяющий главные направления и общие принципы познания в целом (высший уровень); общенаучный (междисциплинарный), используемый при познании особой группы однотипных объектов (средний уровень); частно-

научный, применяемый в процессе познания специфики отдельного объекта (низший уровень); и, наконец, переходный от познавательно-теоретической деятельности к практически-преобразовательной деятельности, вскрывающей общие пути и формы внедрения результатов научных исследований в жизнь» [8, с. 37].

Весьма обширную цитату из творческого наследия Д.А. Керимова мы привели не ради удовлетворения собственного праздного любопытства. Вовсе нет. Приведением выдержки из работы Д.А. Керимова мы преследовали лишь одну цель – обосновать положение, согласно которому логика и основанное на ней логическое мышление в отечественном науковедении никогда не выступало в качестве основного способа не только практически-преобразовательной деятельности, но и научной деятельности как таковой.

В приведенной цитате Д.А. Керимова о структуре методологии видно: если даже инструментарий логики мысленно поместить на средний уровень, он все равно оказывается, с одной стороны, иерархически обусловленным диалектико-мировоззренческим уровнем, с другой – будут «сосуществовать» с такими общенаучными методами (подходами), каковыми являются, например, системно-деятельностный подход, социологический подход, информационный подход и т.д., а с третьей – обеспечивать переход от познавательно-теоретической деятельности к практически-преобразовательной деятельности, тем самым вскрывать общие пути и направления внедрения результатов в жизнь.

Способна ли с возложенной миссией справиться аналогия как логический процесс при разрешении проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве? Думается, нет. Использование аналогии в качестве логического процесса для разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве не способно привести к кардинальному её разрешению. И вот почему. Аналогия является логическим процессом, не больше и не меньше. В силу этого обстоятельства она абстрагируется от психических, мыслительных, эмоциональных, творческих процессов, живого сердечного созерцания и всего того, что образует жизнь. Сущность проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве ей недостижима. Будучи идеей абстрактного логического мышления, она способна порождать соответствующие её природе идеи (знания). Применение этих абстрактных знаний в разрешении проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве способно порождать абстракции, иначе – имитацию уголовно-процессуальной деятельности. В этом смысле уголовно-процессуальная деятельность с неиз-

бежностью повлечет за собой манипуляцию (разрушение) сознания (ценностно-смыслового ядра) должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Логический процесс аналогии является безжизненным знанием. Своим потенциалом она не способна породить жизнь, а следовательно, выступить в качестве основного знания при преобразовании результатов познавательно-теоретической деятельности в практически-преобразовательную деятельность, иначе – в жизнь. Для того чтобы наше знание было способно преобразовывать результаты познавательно-теоретической деятельности, оно должно изначально быть из жизни и для жизни. Без этого жизненного начала и предназначения знания разрешение проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве будет слегка напоминать «игру в пятнашки».

Отечественное уголовное судопроизводство имеет не только правовые задачи, но и нравственный долг, а должностные лица, его осуществляющие, – служебный долг перед российской общностью. В.Т. Томин эту ситуацию, наиболее рельефно проявленную в 20-х годах XX века, описывает так: «Правоохранительной практике 20-х годов в нашей стране известны отдельные случаи, когда чекиста – участника оперативной комбинации, который вызывал особую ненависть врагов, укрывали чужим именем, чужими документами, неизвестностью нового местожительства... Однако во всех подобных случаях, исполняя свой нравственный и служебный долг, сотрудники правоохранительных органов действовали не по велению закона, а, скорее, вопреки ему» [9, с. 33].

Способность соответствующих должностных лиц действовать вопреки требованиям уголовно-процессуального закона ради исполнения нравственного и служебного долга подталкивает к нижеследующей мысли. Исполнение нравственного и служебного долга является одним из жизненных начал уголовного судопроизводства, способного внутренне преодолевать несовершенство уголовно-процессуального закона, включая и ту его часть, которая имеет непосредственное отношение к его пробелам. Сама жизнь не допускает того, что наше уголовное судопроизводство было средством для «игры в пятнашки».

Отечественная юридическая наука не является площадкой для «игры в пятнашки». По нашему глубокому убеждению, предназначение отечественной юридической науки состоит в придании жизненности (действенности) как в целом праву, так и уголовно-процессуальному праву в частности. В наши дни нашу юридиче-

скую науку необходимо освободить от духовных оков формальной логики. Необходимо приложить все усилия для того, чтобы отечественная юридическая наука свои идейные истоки изыскивала не в зарубежных и заморских второсортных (зачастую экстремистских) доктринах, а в духовно-нравственном наследии российской общности в лице духовных столпов традиционных религий, культурно-историческом наследии и системе традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа.

Только при таком условии наша юридическая наука будет изначально опираться на жизненные идеи, которые будут ею преобразоваться в жизненную практическую деятельность. В иной ситуации научное мышление характеризуется оторванностью (изолированностью) субъектов правотворчества от объектов правотворчества. В свое время по этому поводу В.Н. Сидюков практически на заре либеральных реформ в правовой сфере писал: «Право – разновидность духовного творчества народа. Все великие юридические памятники стали таковыми благодаря именно уникальному соединению, синтезу национальной души, таланта их авторов с совершенством юридической «пластики». Наоборот, холодная правовая технология по созданию некоего абстрактно-отчуждаемого от национального духа «прогрессивного» (часто заимствованного) акта никогда еще не обогащала правовую культуру» [10, с. 55].

При избрании отечественной юридической наукой как в целом, так и в части разрешения проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве духовных столпов традиционных религий, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей происходит её наполнение жизненным смыслом (правдой жизни). «Надеждой на смысл, – отмечает Е.Н. Трубецкой, – сознательно или бессознательно приводится в движение все человеческое – и воля, и чувство, и мысль. А потом всякий неуспех на этом пути является лишь новым толчком к самопознанию и вместе с тем – осознанию того смысла, которого мы ищем и которым мы, сами того не ведая, живем» [7, с. 211].

Наполнение правдой жизни теоретико-познавательной деятельности уже на её онтологическом уровне приводит к единению субъектов и объектов правотворчества. В практическом обрамлении изложенное означает – на онтологическом уровне научного мышления единение субъекта и объектов правотворчества осуществляется за счет духовно-нравственных критериев (качеств) личности субъекта правотворчества. «Личность может видеть смысл

своего существования, – писал Н.А. Бердяев, – в служении идее и может жертвовать собой во имя идеи» [2, с. 120].

Опора личности субъекта правотворчества на жизненный смысл, жизненную правду создает условия для проведения в ткань уголовно-процессуального законодательства, а следовательно, и в разрешение проблемы пробелов в уголовно-процессуальном праве жизненной энергии, способной преобразовываться в жизнь в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Сказанное нами не следует понимать в смысле того, что личность субъекта правотворчества должна приноситься в жертву идее или быть средством или орудием идеи. Нет, так не мы говорим, однако тогда, когда жизненная идея является святыней, её отстаивание субъектом правотворчества должно осуществляться соответствующим для неё уровнем идей, где самопожертвование личности является одной из таковых.

Смысл реального бытия личности субъекта правотворчества состоит в служении духовным столпам традиционных религий, культурно-исторического наследия и системе традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Личностью субъект правотворчества является тогда, когда он воспринял духовные столпы традиционных религий, культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей. Вне этой духовно-нравственной триады субъект правотворчества бессилён разрешить проблему пробелов в уголовно-процессуальном праве. Духовно-нравственная триада субъектов правотворчества наполняет смыслом, ретранслирует коллективный и индивидуальный опыт, обеспечивает им надлежащую надындивидуальную и индивидуальную мотивацию. Духовно-нравственная триада субъектов правотворчества формирует целостность и, как следствие, целесообразность их мышления. В этой ситуации вообще исчезает какая-либо возможность для ошибочной правотворческой деятельности. В этом смысле проблема пробелов в уголовно-процессуальном праве является проблемой низшего мышления, проявляемого в лучшем случае в виде логического и психологического уровней мышления. Она быстро улетучивается при её анализе с позиции жизненного смысла.

Как мы уже отмечали, одним из проявлений такого мышления является онтологическое научное мышление. На этом уровне мышления так называемые закономерности логического и психологического мышления либо вовсе не имеют места, либо представлены в свернутом виде. Необходимо сказать и о том, что пробле-

ма пробелов в уголовно-процессуальном праве вовсе становится пылинкой во Вселенной, если её рассматривать с точки зрения духовно-нравственных размышлений и культурно-исторического наследия, например с точки зрения вечности. С позиции вечности пробелы в уголовно-процессуальном праве являются суетой духа времени, пораженного либеральной парадигмой мышления. Именно либеральный дух времени делает проблему пробелов в уголовно-процессуальном праве неразрешимой. Ведь для того чтобы не было пробелов в уголовно-процессуальном праве, необходимо подвергнуть само бытие (жизнь) правовому регулированию, а для того чтобы достичь поставленной задачи, следует превратить уголовно-процессуальное бытие в небытие, иначе – лишить его жизненной энергии за счет, например, сведения уголовного процесса к формальной логике.

Список литературы

1. Агутин А.В., Трошкин Е.З. Концептуальные основы противодействия религиозному экстремизму и ценностно-смысловые проблемы науки уголовного судопроизводства и прокурорской деятельности по

обеспечению национальной безопасности: Монография. М., 2020. 248 с.

2. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М., 2011. 664 с.

3. Костенко М.А. Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 117–123.

4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. 470 с.

5. Зайцева Е.С., Козловский П.В. Аналогия права как способ преодоления пробелов в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4 (63). С. 7–12.

6. Плавич В.П. Проблема юридического толкования правовых норм и применения законов // Право и экономика: Сборник научных статей / Сост. И.С. Канзафарова; под общ. ред. И.С. Канзафаровой. Одесса, 2008. С. 55–81.

7. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост., послеслов. и коммент. В.В. Сапова. М., 2011. 480 с.

8. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований: Монография. Репр. изд. М., 2019. 336 с.

9. Томин В.Т. Избранные труды. СПб., 2004. 586 с.

10. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. 496 с.

FUNDAMENTAL PRINCIPLES FOR SOLVING THE PROBLEM OF GAPS IN CRIMINAL PROCEDURE LAW

A.V. Agutin, L.P. Izhnina

The article is devoted to understanding the fundamental principles of solving the problem of gaps in criminal procedure law, taking into account the mental and ideological features of the Russian people's thinking. In the article, the most significant thoughts (thoughts-meanings) as manifestations of the spiritual pillars of traditional religions, cultural and historical heritage, and the system of traditional values of the Russian people became the basis for solving the problem of gaps in criminal procedure law. The author draws attention to the fact that any attempts to solve the problem of gaps in criminal procedure law outside the semantic basis of thinking of the Russian people are akin to imitating scientific activities, manipulating the public and individual minds of the scientific community and officials conducting criminal proceedings. The paper shows that when our thinking is based on the spiritual pillars of traditional religions, cultural and historical heritage, and the system of traditional spiritual and moral values, the potential of intuition (legal intuition) provides an ultra-timely solution to the problem of gaps in criminal procedure law.

Keywords: mentality, worldview, problem, gaps, law, criminal procedure law, meaning, spiritual pillars of traditional religions, cultural and historical heritage, system, tradition, values, knowledge, life, Russian people, criminal procedure.

References

1. Agutin A.V., Troshkin E.Z. *Konceptual'nye osnovy protivodejstviya religioznomu ekstremizmu i cenostno-smyslovye problemy nauki ugolovno sudoproizvodstva i prokurorskoj deyatelnosti po obespecheniyu nacional'noj bezopasnosti: Monografiya.* M., 2020. 248 s.

2. Berdyayev N.A. *Duh i real'nost'.* M., 2011. 664 s.

3. Kostenko M.A. *Probel v prave kak raznovidnost' pravotvorcheskoj oshibki // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki.* 2008. № 10 (87). S. 117–123.

4. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnoogo processa. T. 1. Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnoogo processa.* M., 1968. 470 s.

5. Zajceva E.S., Kozlovskij P.V. *Analogiya prava*

kak sposob preodoleniya probelov v ugolovnom processe // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 4 (63). S. 7–12.

6. Plavich V.P. *Problema juridicheskogo tolkovaniya pravovyh norm i primeneniya zakonov // Pravo i ekonomika: Sbornik nauchnyh statej / Sost. I.S. Kanzafarova; pod obshch. red. I.S. Kanzafarovoj.* Odessa, 2008. S. 55–81.

7. Trubeckoj E.N. *Smysl zhizni / Sost., posleslov. i komment. V.V. Sapova.* M., 2011. 480 s.

8. Kerimov D.A. *Filosofskie osnovaniya politiko-pravovyh issledovaniy: Monografiya. Repr. izd.* M., 2019. 336 s.

9. Tomin V.T. *Izbrannye trudy.* SPb., 2004. 586 s.

10. Sinyukov V.N. *Rossiyskaya pravovaya sistema: Vvedenie v obshchuyu teoriyu.* Saratov, 1994. 496 s.